

НАШИ ЛЮДИ В АМЕРИКЕ

СОВМЕСТНЫЙ ПРОЕКТ ГАЗЕТЫ
«НОВЫЙ МЕРИДИАН» И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ЖУРНАЛА «ЛИСТЬЯ».
[HTTP://LEAVES.YURIUS.NET/](http://leaves.yurius.net/)

Цель проекта «НАШИ ЛЮДИ В АМЕРИКЕ» — рассказ о людях, приехавших в США из стран бывшего Советского Союза, о их проблемах, успехах, о том, чем живут русские американцы в США.

Welcome aboard, или Вход никому не воспрещен!

Русский детский театр в Хьюстоне. В Хьюстоне? У нас, в Штатах, где штаб квартира NASA? Да, именно там, в самом консервативном и провинциальном, с точки зрения жителя западного или восточного побережья, штате Америки, существует настоящий детский театр со своими режиссерами, костюмерами, постановщиками танцев, декораторами, а главное зрителями. Когда я рассказываю своим друзьям в Москве, Петербурге, Киеве, Новосибирске, Твери о детском театре в Хьюстоне, о том, что каждому ребенку в театре рады, что каким бы «увальнем» он не был, ему всегда найдется роль в спектакле, у них в голосе сразу появляется — такого театра у них нет.

Интервью с руководителем Хьюстонского детского русского театра «Радость», Людмилой Вайнер берет главный редактор журнала Листья, Михаил Антоновский.

М.А.: Люда, ты с тобой знаем друг друга много лет, ты не против, если я с тобой буду на ты?

Люда: Нет, не против, так даже удобнее.

М.А.: Люда, расскажи с чего начался ваш театр.

Люда: Детский театр начался со взрослого. Когда вокруг Володи Штерна организовалась группа людей, решившая поставить «Самоубийцу» Николая Эрдмана, и Фима, мой муж, стал актером и директором театра, наша семья стала ненормальной. Мы только и говорили о театре, репетициях, даже я, которая никогда не была на сцене, стала актрисой. Мы с Klarой Штерн сыграли бабушек, которые выходят на сцену и громко причитают по поводу смерти Подскальникова. На репетиции мы ходили с моей дочкой Настей, поскольку ее не с кем было оставить дома. Ей это очень нравилось, и, когда мы сыграли «Самоубийцу», она все время спрашивала меня: «Мама, когда мы пойдем на репетицию?» — слово «репетиция» она выговорить не могла. Я и подумала тогда: что ж это мы, взрослые, себя развлекаем, а развлекать-то надо детей. Но решение создать детский театр пришло позже, на слете КСП (Клуб Самодельной Песни). Когда я увидела просто огромное количество детей, развитых, ухоженных, как они бегают, носятся между палатками, мне захотелось с ними поиграть. Мы начали с домашнего театра. Поставили «Золушку» и показывали ее всем нашим друзьям и родственникам.

М.А.: Кто участвовал в «Золушке»?

Люда: Первыми актерами нашего театра были Настя, Фирина внучка Тася, и дети наших друзей. Они приходили к нам в гости, мы тут же давали им костюмы, объясняли роли и играли спектакль. В «Золушке» все очень просто, поэтому особых репетиций не требовалось. Играли этот спектакль мы бесчисленное число раз, ездили с ним к нашим знакомым, друзьям, даже выступали с ним перед нашими Хьюстонскими «Пионерами». Здесь, в Хьюстоне, организован «Дедский Сад», куда пожилые люди приходят поговорить, поиграть в шахматы или домино, посмотреть русское телевидение, «воспитатели» возят их на спектакли, в кино. Наша «Золушка» прошла с большим ин-

тересом, старушки просто плакали. Когда я увидела, насколько детям нравится играть, увидела интерес взрослых людей к нашим выступлениям, то решила создать настоящий детский театр.

М.А.: Люда, идея создать детский театр была твоя или ваша совместная с Фимой?

Люда: Моя. Фима меня поддержал. Если бы не его участие в театре, театр бы не состоялся. Фима в нашем театре играет незаметную роль, но на нем держится почти все. Фима всегда подставит плечо, всегда выручит, не подведет. Может идей он в театре и не генерирует, но отмечает все ненужное.

М.А.: Помогает избежать ошибок, не тратьте время на ненужные, заведомо неправильные идеи?

Люда: Да. Фима — самый доброжелательный критик в мире, мой первый слушатель, у него чуткое ухо, он сразу говорит, что пойдет, а что не пойдет. И в том, что спектакль «Снежная Королева» состоялся и имел огромный резонанс в русской комьюнити Хьюстона, огромная заслуга Фимы.

М.А.: Люда, расскажи немного о «Кошкином Доме» — первом спектакле твоего театра.

Люда: Я решила начать театр с постановки спектакля «Кошкин Дом», который будет стоять на трех китах. Первое — декорации, костюмы, танцы. Они должны создать атмосферу праздника для маленьких актеров и зрителей. Второе — наша постановка должна быть в первую очередь интересной и привлекательной для актеров. Дети должны приходиться на репетиции как в детский сад, где тебя любят, с тобой играют, занимаются, где тебе рады. Третье — за детьми должна стоять сильная сплоченная команда взрослых: хореографы, оформители, хормейстеры, костюмеры, все кто создает спектакль.

М.А.: Хм, детский сад, объединенный идеей создания спектакля «Кошкин Дом». Замечательная идея! Люда, где проходили репетиции? У вас дома?

Люда: Сначала мы собирались в «Синей Птице» — это название «ДеДского садика» для пенсионеров. По субботам и воскресеньям он свободен, и Света Кислюк, хозяйка «садика», предоставила нам помещение. Потом мы стали собираться в свободном помещении Русского магазина «За углом». А один раз я сделала репетицию у себя в доме. И вот после того, как к нам пришло 18 детей и родителей в два раза больше и дом наш перевернулся наизнанку, на следующее утро я проснулась и придумала название театру — «Радость». Я знала, что

театр нужно как-то назвать, что на основе нашего опыта возникнут другие детские театры, и нам нужно дать имя театру. Я объявила конкурс среди родителей. Было много предложений, но все как-то не подходило. Я уже начала отчаиваться, прошла неделя, другая, а названия нет и нет. И вот, в тот день, когда в нашем доме все гремело, шумело, когда мы примеряли костюмы, бегали с этажа на этаж, в доме была такая радость, что на следующее утро и родилось название нашего театра.

М.А.: Одна из проблем, с которой я сталкивался здесь в Америке состоит в том, что у людей достаточно много денег, чтобы они могли откупиться от своих детей. Понимаешь, гораздо легче покупать детям новые игрушки, компьютеры, электронные игры, водить на спортивные секции, чем тратить свое время, свое сердце на детей. Всегда можно себе сказать, мне на детей денег не жалко, я делаю все, чтобы они ни в чем не нуждались, были счастливы.

Люда: Но при этом дети одиноки, потому что получается, что у них своя жизнь, а у родителей своя.

М.А.: Вот именно. Конечно, это не значит, что так во всех семьях, но возможность дать детям любые игрушки позволяет родителям не чувствовать свою вину перед детьми за невнимание к ним. Мне кажется, что твой театр, это шанс родителям и детям найти дорогу друг к другу, соединить их жизни. Понимаешь, родители часто считают, что у них с детьми просто идеальные отношения, дети не жалуются, всем довольны. Но это от того, что они другой жизни не знают, они привыкли, что родители всегда заняты, что у них нет времени на них, что они как-то в стороне. А на самом деле они детям недодают самого главного: любви, участия, заинтересованности в их жизни. А потом дети вырастают и выясняется, что детство наших детей было не очень-то и счастливое и причиной этого являемся мы сами. Когда моя дочь, Ирина, пошла в High School, она была поражена, как много детей выросло с мыслью, что родители их не любят. Когда у родителей и детей есть общая цель — не просто посидеть у телевизора или пойти на футбольный матч — а дело, за которое обе стороны отвечают, их отношения становятся крепче. Совместное дело сближает, заставляет детей и родителей жить единой, неразрывной жизнью. Я считаю, что твой детский театр — это уникальная возможность родителям сблизиться со своими детьми, стать настоящей семьей. Я про себя скажу. У меня с Давидом, моим сыном,

всегда были хорошие взаимоотношения. Во-первых, он был мальчиком, мы с ним с четырех лет на лыжах ходили, он с раннего детства интересовался техникой, собирал конструкторы, Таня, моя жена водила его в кружок умелые руки. Давид, как только научился говорить, стал сразу задавать вопросы: как то устроено, как это. Помню его загадку: «Чайка, а не летает». Знаешь что это?

Люда: Нет.

М.А.: Пылесос «Чайка». Или еще одна: «Взлетает как ракета, садится как самолет...» Это, Люда, Шатл. С Ирой было сложнее. Я помню, как учил ее читать, рассказы-вал ей, как и Давиду, сказки, катался с ней на лыжах. Я считал себя идеальным отцом. Но, как оказалось, этого было совсем не так. Наши отношения с дочкой стали нормальными, только после приезда в Америку.

Люда: А с Таней у нее были теплые отношения?

М.А.: Нет, такие же. Таня, как и я, много работала, к тому же и дорога занимала у нее не меньше двух часов, а то и более в день. Когда Ире было уже лет 16, она мне рассказывала, что в Новосибирске она нас с женой вообще не считала близкими людьми. У нее в Новосибирске была подруга (они до сих пор дружат), так вот, когда Ира приходила к ней в гости, она очень удивлялась, отчего это Юлинка бабушка все время Юлю спрашивает: что нового, как уроки прошли, проявляла по отношению к Юле и к ней, непонятную ей заботу, теплоту. Дома Ира этого не видела, я приходил с работы поздно, уставший, жена тоже. Мы-то думали, что все в порядке, сказка на ночь, лыжи по субботам, но для нее всего этого было мало. И только когда мы оказались в Америке и у Иры начались проблемы в школе, связанные не столько с незнанием английского, сколько отчужденностью, возникшей между ней и американскими школьниками, я по-настоящему включился в ее жизнь. Это тяжелое для Иры время нас с ней очень сблизило, я даже рассказ написал «История моей дочери». И вот, когда Ира сказала мне, что нас с мамой раньше вообще не воспринимала как своих родителей, считала нас, вроде как посторонними людьми, было для меня шоком. Понимаешь, я не ожидал. И тогда я понял, что многие родители на самом деле не понимают как много они не добавляют своим детям. И еще один случай хочу тебе рассказать. Когда Ира была маленькая, она, как и 90 процентов детей в России, ходила в садик. Нам повезло: садик у Иры был санаторного типа, там детей не только хорошо кор-

мили, но еще и учили читать, рисовать, занимались с ними физкультурой. И все было бы прекрасно, только вот один раз в месяц ребенок должен был оставаться на ночь, иначе садик потерял бы статус санаторного. В течение нескольких месяцев мне удавалось отвертеться, но однажды, мне все же, под нажимом воспитательницы, пришлось оставить Иру на ночь. На следующий день вечером я пришел за Ирой в садик, нянечка мне сказала, что Ира долго не могла заснуть, но в общем-то перенесла ночь спокойно. На самом деле, для Иры то, что я оставил ее в детском садике на ночь, было сильнейшим потрясением. Когда ей было уже 15 лет, она мне сказала: «Папа, ты знаешь, как я тебя ждала?! Я смотрела в окно, шел снег, было темно, а ты все не приходил...» У меня так сердце болело после ее слов... Знаешь, Ирине уже 23, а я до сих пор чувствую свою вину за то, что оставил ее одну маленькую ночью в садике. Поэтому я и считаю что то, что вы с Фимой создали детский театр достойно высшего уважения. Дать возможность детям и родителям найти путь к сердцу друг друга – что может быть лучше?

Люда: Для многих, приехавших в Америку, жизнь начинается с одной, а то и с двух ступенек ниже, так по-крайней мере было у меня. Поэтому первые несколько лет уходят на то, чтобы освоить язык, а чтобы выйти хоть на какой-то уровень в своей, часто новой, профессии, уходят годы. Родители настолько заняты своим устройством, настолько погружены в свои социальные, материальные, психологические проблемы, что дети просто выпадают из их жизни. Это вещь естественная, поэтому психологическая связь между детьми и родителями на три-пять лет, пока жизнь как-то налаживается, ослабевает. Особенно сильно это сказывается на детях, если рядом нет бабушек или дедушек. Разрыв между детьми и родителями становится огромным, дети теряют русский язык, культуру, становятся американцами, и родители удивляются, почему это у них с детьми нет ничего общего. Наш театр построен на русском языке, на народных сказках, на русской литературе для детей, и это позволяет, в какой-то степени, совместить детство родителей и детство их детей. Если дети учат те же стихи, что и их родители учили в их возрасте, поют те же детские песенки, что и их родители, говорят на том же языке, это закладывает фундамент взаимопонимания между детьми и взрослыми на долгие годы. Когда мы приехали в Америку, моей Насте было всего десять месяцев и она, хотя в доме у нас говорят только на русском языке, русским владела очень плохо. Сейчас она знает стихи Чуковского, Маршака, знает Михалкова, растет на тех же сказках, песенках, что выросли мои старшие дети: Лиза, Катя, Жена, выросла я, Фима, ты. Это, конечно, колоссально сближает всю нашу большую семью, и я считаю, что и дальше мы с Настей по жизни будем идти вместе, потому что истоки у нас одни.

М.А.: Ты очень правильно подметила, что когда дети читают те же сказки, что и их родители, играют в те же игры, это создает базу их взаимопонимания на многие годы.

Люда: Наш театр дает возможность и другим детям, стартовать с детства их родителей, и, потом, я очень люблю, чтобы родители участвовали в жизни театра. Дети очень ценят участие в театре своих мам, пусть это будет немножечко, пускай мама сделает декорацию для спектакля или реквизит, или сошьет костюм, для ребенка это очень, очень важно.

М.А.: Каждый ребенок хочет гордиться своей мамой.

Люда: Безусловно. Он всегда задает себе вопрос: «А что мама сделала для театра?» - «Моя мама нарисовала картинку, испекла пирог для всех, сшила платье или костюм». Но это должно быть не по приказу, родители сами должны хотеть что-то сделать для своих детей, для театра, чтобы их дети имели возможность гордиться. Да и сами родители, видя как дети с гордостью говорят: «А это сделала моя мама, моя тетя, мой папа», начинают включаться в жизнь нашего театра. Наш театр «Радость» самодостаточный: в нем нет профессионального

костюмера, нет художника по декорациям, и поэтому я могу требовать от родителей того же, что и от себя, потому что я – такая же мама, как и они.

М.А.: Люда не надо говорить мне, что ты такая же мама, как и остальные, на тебе держится театр, на тебе и Фиме. Ведь правда?

Люда: Просто я организовала весь процесс постановки спектакля – от сценария до заключительного банкета. Театр у нас детский, но организован он достаточно серьезно. И мне в этом очень многие помогают. Видимо нравятся идеи и виден результат. За 2 года, как мы начали «играть», у нас поставлено 6 спектаклей, мы провели массу мероприятий с детьми, просто трудно все перечислить. Вот сейчас готовимся к гастролям в Нью-Йорке.

М.А.: Люда, я знаю, что ты, как и любой творческий человек, всегда хочешь, чтобы все было по-твоему. Скажи как у тебя складываются отношения с Володей Штерном, основным режиссером вашего театра?

Люда: Я очень благодарна Володе Штерну за его участие в нашем театре, я у него многому научилась и учусь. Разногласия у нас, конечно, возникали, но до конфликтов никогда не доходило, делаем-то мы одно дело. После «Снежной Королевы», мы начали новый проект «Сказка о потерянном времени», где будет играть три поколения актеров. Володя Штерн не только ставит этот спектакль, но и играет в нем.

М.А.: Люда, я знаю, что любое творческое дело требует обсуждения, особенно, мне кажется, если оно касается постановки спектакля. Как ты приходишь к своим идеям?

Люда: Я очень люблю слушать умных людей. В разговорах о театре творческие люди высказывают разные идеи, и если какие-то мне нравятся, я их подхватываю и воспринимаю как свои собственные. Мне даже кажется, что я сама их придумала. Например, спектакль «Снежная Королева». Я одной из знакомых рассказывала сцену с разбойниками, она меня внимательно слушала и вдруг говорит: «Разбойники должны выбегать на сцену из зала и тащить на веревке Герду. И я увидела сцену, как разбойники бегут вдоль рядов, стреляют, тащат Герду, и мне показалось, что это я придумала, что это моя идея. И таких примеров много. Поэтому я очень люблю слушать».

М.А.: Я тоже люблю слушать. Но я всегда точно знаю от кого какую идею я взял в свой рассказ или повесть. Могу даже пальцем указать строку и назвать ее автора или автора идеи. Но поскольку художественное произведение не научная статья, я думаю, это излишне.

Люда: Я тоже всегда знаю от кого что я почерпнула. Понимаешь, Миша, у меня нет литературного или режиссерского образования, но у меня жуткая интуиция, я не могу точно объяснить почему это надо делать так, а не так, но утром чувствую, что будет воспринято зрителем, а что нет. Я думаю, что мне специальные знания, могли бы повредить, в том смысле, что интуиция притупилась бы.

М.А.: Это правда... иногда знания настолько формализуют мышление, что перестанешь улавливать ту тонкость, ту струну, на которой все должно держаться, и делаешь, как предписано каноном.

Люда: Технически я не рисую, не танцую, не пою...

М.А.: И даже не сочиняю.

Люда (смеется): Нет, не сочиняю, я компилирую. Художник рисует декорации, балетмейстер ставит танец...

М.А.: Но с художником ты обсуждаешь, что он должен нарисовать, с балетмейстером каким должен быть танец, а с Володей Штерном, какой должна быть сцена.

Люда: Конечно, я художнику объясняю, что я хочу видеть, в какой цветовой гамме должны быть декорации, потому что цвет декораций обязательно должен быть привязан к костюмам актеров. Взять героев «Кошкиного Дома»: свинья вся в синем, поэтому и домик у нее в синих тонах. Козел с козой одеты в зеленое, и все, связанное с ними, окрашено в зеленое, в цвет травы, кошка у нас розовая, изнеженная, поэтому и все в ее домике тоже в розовых тонах. Ничего случайного в реквизите, в декорациях, в костюмах нет, все продумано. И потому, что каждая деталь продуманна, все и кажется естественным.

М.А.: Это ты очень правильно сказала. За каждым хорошим произведением всегда стоит чувство, ощущение, то есть, нечто совсем не материальное. Логика дана авто-

гают делать театр огромное число. Но есть вещи, которые просто нельзя сделать без денег, снять помещение, взять на прокат звуковое и осветительное оборудование, и потом, в какой-то момент, мне стало стыдно просить людей делать что-то бесплатно. Поскольку у нас нет спонсоров, нет государственной поддержки, я с прошлого года ввела плату для родителей за занятия.

М.А.: И родители готовы платить?

Люда: Люди платят за результат. Если они видят его, они готовы платить сколько бы это ни стоило. Для родителей главной проблемой являются не деньги, а время, которое они тратят, приводя детей на занятие. Театр – это не разовый поход в кино или на концерт, это регулярные занятия. Проблемы у меня возникают не с детьми, они-то как раз с большим удовольствием ходят на репетиции, а с родителями. Каждое воскресенье тратит три часа на театр, а если учесть еще и дорогу, то все четыре, очень сложно. Театр – игра коллективная, если один ребенок выпадает из команды, разваливается весь спектакль. После успеха «Кошкиного Дома» в наш театр пришло много детей. Мы как раз начинали ставить «Теремок». У меня было три мышки, четыре волка, пять лисичек... я всем раздала роли, никому не отказала. Через шесть репетиций у меня осталось по одному актеру на каждую роль, родители не выдержали и ушли.

М.А.: Скажи, Люда, какие дети приходят в театр?

Люда: Есть дети, я их называю, дети из денских рассказов, которые могут играть сразу без подготовки, театральность в них заложена самой природой. А есть дети тихонькие, спокойненькие, с ними надо много работать, чтобы побороть их внутреннюю скованность, стеснительность.

М.А.: Мне кажется, что ваш театр, в первую очередь, нужен именно детям стеснительным, неуверенным в себе. Побывав на твоих репетициях, я понял сколько много я потерял от того, что в детстве у меня не было такого театра. Понимаешь, участвуя в репетициях, а потом в спектаклях, играя на сцене роли животных, других мальчиков и девочек, ребенок учится главному – пониманию других людей. Все комплексы, которые мы имеем во взрослой жизни, связаны именно с тем, что в детстве мы были зажатые своей стеснительностью, боязнь получить в ответ на свои действия, свои чувства по «соплатке». Чем раньше ребенок сумеет преодолеть свой комплекс неполноценности, тем радостней и счастливее у него сложится взрослая жизнь.

Люда: Ты, Миша, прав. Я, по своему воспитанию, человек очень стеснительный, в жизни у меня были только семья, дети, работа. Театр открыл во мне качества, о которых я никогда раньше даже не подозревала. Конечно, моя жизнь сейчас очень напряженная, нет ни минуты свободного времени, все время: либо шью костюмы, либо догоняюсь с родителями, либо готовлюсь к репетиции. Театр, это большое хозяйство, требующее постоянной работы. А с другой стороны, наверное, это самое спокойное и счастливое время в моей жизни.

М.А.: Творческая жизнь никогда не бывает легкой, но она всегда несет радость тем, кто ею живет. Я не встречал ни одного творческого человека, который ощущал бы свою жизнь несчастной, даже последний поэт-меланхолик, если прижать его к стенке, признается вам, что за всеми его пьяными слезами и жалобами на то, что девушки его не любят, скрывается радость бытия, радость творчества. Люда, ты назвала свой театр «Радость» – а радость всегда связана с преодолением себя, своих барьеров, невозможностей, преодоление через работу, страдание, творчество. Твои актеры, конечно, не мыслят такими категориями, но их родители должны понимать, что твой театр – одна из возможностей сделать их детей счастливыми во взрослой жизни, и для этого они должны идти на жертвы.

Люда: Я бы не назвала это жертвами. Когда любишь близкого тебе человека: мужа, жену, ребенка, сестру, ничего не сложно, потому что они – часть тебя, а для себя ничего не жалко.